
НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КОММУНИКАНТА

Т.Л. Музыкачук

Кафедра русского языка
Иркутский государственный университет путей сообщения
ул. Чернышевского, 15, Иркутск, Россия, 664074

Автор анализирует невербальные диалогические фрагменты художественной прозы с точки зрения реализации в них речеповеденческого потенциала адресата, развивающегося под воздействием «фактора говорящего».

Ключевые слова: дискурс, невербальный дискурс, речеповеденческий потенциал.

Наш язык через столетия донес до нас отмеченность представлений о приоритетной телесности человека через языковое обозначение (системные антропоморфные метафоры) и через инсценирование речи, восходящее к древним риторам. И хотя главное в искусстве красноречия — слово, «инсценированию речи» в различных риториках начиная с античных времен посвящались специальные главы. Древние риторы понимали, что словесная орнаментация чрезвычайно убедительных фактов в защиту своих мыслей никогда не достигает цели, если оратор не вызовет ответной эмоциональной реакции, называемой в риторике «использование страстей» [2. С. 88].

Основные положения науки риторики, касающиеся представлений о языке, речи и речевом поведении личности, способствуют познанию индивидуума не только через его речевые (языковые) проявления, но и поведенческие (неязыковые, невербальные), которые подчас мотивируют речевое языковое проявление. Такой подход соответствует новому направлению философской антропологии (биоэпистемологии), которая «выдвигает тезис о том, что *язык — это форма ориентирующего поведения*. Речеповеденческий потенциал адресата изучается сегодня с позиции активного влияния на него «фактора говорящего» [1. С. 648].

Невербальный дискурс как поисковая модель позволяет приблизиться и понять психологическую, коммуникативно-прагматическую канву речевого поведения персонажей художественной прозы и коммуникантов реальной ситуации. В этом смысле языковые репрезентанты композиционных единиц невербального дискурса выявляют механизмы взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия вербального и невербального начала в диалогической речи с достаточной степенью очевидности. Выразительная многообразная невербальная организация речевого поведения (интонация, мимика, жестика, пластика, язык глаз, язык касаний, энергетический импульс, вегетативные проявления и др.) регулирует процесс общения, направляя его в желаемое русло, завершая речевое взаимодействие конфликтно или неконфликтно и манифестируя бытование эмоциональных смыслов в каждый конкретный момент речи. Невербальный дискурс как модель, по существу, вскрывает глубинный «смыслообраз» речевого поведения коммуникантов, манифести-

руя «идею развития межличностных диалогических отношений» [2], воспринимаемых как «слияние, вложение одних состояний в другие» [Цит. по: 2. С. 287].

Являясь знаковым в контексте аффективного эмоционального межличностного общения, невербальный дискурс как языковая система открывает слушающему доступ к порождению смыслов в душе и сознании адресанта. Найти доступ к порождению смыслов в душе говорящего через механизмы их языковой и неязыковой реализации в речевом поведении — непростая задача. Эмотивно-оценочное речевое общение до сих пор в достаточной мере не изучено с точки зрения воплощаемых в нем интенций говорящего субъекта, взаимодействия коммуникантов, влияния коммуникативной ситуации, а также психолого-лингвистических особенностей языковой личности. Причина такого состояния лингвистической мысли очевидна. Во-первых, невербальная организация речевого общения редко является объектом наблюдений лингвистов, а именно в ней и заключены загадки эмоционально-психологической канвы интенций и отношений говорящих. Когнитивная лингвистика в связи с современной прагматикой позволяет несколько иначе посмотреть на говорящий субъект и его речевую организацию, вносит новое в наши представления об оценках и эмоциях говорящего субъекта, позволяет рассматривать речевое поведение, как процесс, протекающий во времени и пространстве. Во-вторых, до настоящего времени существует скептическое отношение лингвистов к процессу моделирования вообще. А между тем, по нашему мнению, невербальная составляющая речевого общения, символ символов, как никакая другая область в лингвистике, требует моделирования. Безусловно, нужно согласиться с мнением А.А. Мельчука, что «абсолютной модели языка (речевой деятельности) не бывает. Всякое описание, всякая модель, по мнению лингвиста, объясняет, «покрывает» его лишь частично, «освещая» в нем то, что важно с определенной точки зрения» [Цит. по: 2. С. 287]. И хотя «всякое целое есть часть целого более высокого порядка, а всякая часть есть целое на более низком уровне», однако «способность части любого уровня функционировать как целое, а любого целого — как часть, создает высокую концентрацию информации и практически неисчерпаемые резервы нового смыслообразования» [3. С. 30].

Предложенная нами модель невербального дискурса отражает авторский взгляд на проблему речевого поведения языковой личности, стремление внести свой вклад в разработку интерпретационной модели речевого взаимодействия коммуникантов как возможного варианта проникновения в психологическую составляющую любого диалогического общения. Структурно-семантическая модель невербального дискурса — основа познания стыковки невербального речевого общения с вербальным. Модель невербального дискурса персонажа, ее единицы и языковые репрезентанты, их функционирование в структуре позволяют лингвистам воздать должное речевой невербалике, признать за ней первооснову вербальной речи, понять закономерное и частное в стыковке двух по-разному организованных, но не существующих друг без друга речевых систем.

Выделение в невербальном диалогическом дискурсе его составляющих позволяет не только свободно ориентироваться читателю или лингвисту в тексто-

вом пространстве анализируемого художественного произведения, но и отчетливо видеть, как на разных этапах развития диалога реализуется эмотивно-экспрессивная база языковой личности, что находит отражение в лексической семантике невербального диалогического дискурса.

Обратимся к анализу невербального речевого дискурса персонажа художественной прозы с точки зрения воплощения в нем речеповеденческого потенциала адресанта, развивающегося под воздействием «фактора говорящего». Анализируем диалогический фрагмент рассказа А.П. Чехова «Враги». Речевое событие анализируемой ситуации начинается с того, что главный герой Абогин подносит к глазам доктора Кирилова карточку молодой женщины (невербальное действие)¹ и спрашивает, можно ли допустить, что это лицо способно выражать ложь (вербальное действие).

<...> Доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами (невербальное реагирование, невербальная интеракция) и сказал, грубо отчеканивая каждое слово (вербальное воздействие):

— Зачем вы все это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — *крикнул* (вербальное воздействие) он и *стукнул кулаком по столу* (невербальная интеракция) — Не нужны мне ваши пошлые тайны, черт бы их взял!..

Абогин *понялся* (невербальное реагирование, зрительное восприятие адресата адресантом) от Кирилова и *изумленно уставился* (невербальное реагирование, зрительное восприятие адресата адресантом) на него.

— Зачем вы меня сюда привезли? — *продолжал* доктор, *тряся бородой* (невербальное реагирование, зрительное восприятие адресанта адресатом). — Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Оставьте меня в покое!..

— Позвольте, что это все значит? — *спросил* Абогин, *краснея* (невербальное реагирование, зрительное восприятие адресанта адресатом).

— А то и значит, что низко и подло играть так людьми!..

— Как вы смеете говорить мне это? — *спросил тихо* Абогин, и его *лицо* опять *запрыгало* и на этот раз уже ясно от гнева (невербальное реагирование, слуховое и зрительное восприятие адресанта адресатом).

— Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? — *крикнул* доктор и опять *стукнул кулаком по столу* (невербальная интеракция). — Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

— Вы с ума сошли! — *крикнул* Абогин. — Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив, — *презрительно ухмыльнулся* доктор (невербальное реагирование, зрительное восприятие адресанта адресатом). — Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь! — *взвизгнул* (звуковое воздействие, слуховое восприятие интонационного рисунка речи адресанта адресатом) Абогин. — За такие слова... бьют! Понимаете?

Языковые репрезентанты маркера интонации в невербальном дискурсе Абогина, как инициатора диалога, убедительно означивают речевое поведение ком-

¹ Здесь и далее в тексте цитаты в круглых скобках приводятся пояснения автора статьи.

муниканта в каждый последующий момент его речевого продукта, формирующегося под воздействием «фактора адресанта»: *спросил — спросил — спросил — крикнул — взвизгнул*. Композиционные маркеры интонации вербальной речи Абогина манифестируют, что его речевой продукт делится на стадию относительного речевого покоя (резистентности) и речевого напряжения (аффекта). Означивает, что это позиция активного коммуниканта (говорящей личности). Языковые репрезентанты маркера интонации означивают слуховое восприятие речи коммуниканта речевым партнером, ответное речевое поведение которого будет строиться в соответствии с его отраженными в душе и сознании представлениями о коммуникативно-прагматических установках адресанта в каждый конкретный момент речевого взаимодействия.

В стадии резистентности языковой репрезентант маркера интонации выражен собственно речевым глаголом говорения (объектным) «спросить». В речевой канве данный маркер повторяется трижды: *спросить — обратиться к кому-н. с вопросом с целью узнать, выяснить что-н.* Глаголы говорения являются композиционными маркерами интонационного рисунка речи эмоциональных полутонов длительного общения, при этом они нейтральны в способе выявления, обозначения основного тона ключевой эмоции. Последующие маркеры в данной речевой канве манифестируют резкое изменение отношения говорящего к адресанту. Речевое общение явно переходит в стадию эмоционального напряжения (аффекта), пока еще не ясно, позитивного или негативного. Языковые репрезентанты маркера интонации в стадии аффекта выражены собственно речевыми глаголами звукового действия «крикнул», «взвизгнул»: *кричать — говорить громко (тон); взвизгнуть — вскрикнуть (тон) с резким (тон, темп) визгом (тон); визг — высокий (тон) и резкий (тон, темп) крик (тон)*. Маркеры функционируют в невербальном дискурсе с конкретизатором тона и конкретизатором — маркером эмоционального состояния (МЭС) — вегетативом. Таким образом, речевая канва коммуниканта уточняется: *спросил — спросил, краснея (вегетатив) — спросил тихо (тон) — крикнул — взвизгнул*. В данном виде модель означивает еще один этап в развитии диалога — момент перехода к стадии речевого аффекта: *спросил, краснея и спросил тихо*.

Вегетатив, конкретизатор МЭС, в форме цветообозначающего деепричастия эмоционально-когнитивного реагирования «краснея» в динамике манифестирует реакцию организма на определенный раздражитель (зрительный или звуковой): *краснеть — становиться красным, стыдиться*. Вегетатив, манифестируя реакцию коммуниканта на речевое поведение партнера, одновременно означивает зрительное восприятие этой реакции адресатом и некоторую протяженность речевого продукта во времени.

Таким образом, языковые репрезентанты конкретизаторов поэтапно маркируют процесс влияния на формирование речевого продукта адресанта (Абогина) речеповеденческого потенциала адресанта (доктора Кирилова). Постепенное изменение цвета лица (прилив крови к лицу), снижение тона голоса ниже допустимого свидетельствует о начале изменения отношения к адресату, от дружеского и доверительного к резко негативному. Пока еще трудно определить эмоциональное состояние и намерения Абогина. Выявить истинное отношение коммуникан-

та к адресату помогают конкретизаторы МЭС — кинесические сомативы (КС): *попятился и изумленно уставился; лицо опять запрыгало и др.* Речевая канва выглядит так: *спросил — попятился и изумленно уставился — спросил, краснея — спросил тихо, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже точно от гнева — крикнул — взвизнул.* Языковой репрезентант проксемического соматива (ПС) выражен глаголом передвижения в локуме «попятился»: *попятиться — медленно идти, двигаться назад, задом.* Языковой репрезентант КС выражен глаголом зрительного действия «уставился»: *уставиться (на кого-что и в кого-что), не сводя глаз, неподвижно устремить взор (разг.).* Пристальный взгляд, взгляд в упор воспринимается адресатом как признак враждебности, вмешательства в личные дела. Языковой репрезентант с семантикой зрительной интеракции «угрозы» не только декодирует состояние и внутреннюю сущность коммуниканта, но и оказывает мощное психологическое воздействие на собеседника. Кинесический соматив в структуре невербального дискурса распространен качественным квантификатором (квалитативом) «изумленно» (изумление — крайнее удивление), маркирующим определенное эмоциональное реагирование коммуниканта. Конкретизаторы МЭС как центральные единицы невербального дискурса объективно означивают выразительно-визуальную, пространственно-временную организацию общения, являющую собой отраженное в данном конкретном построении речи речевое сознание языковой личности с учетом смены коммуникативных ролей.

Речевая канва — вертикально организованный ряд невербальной речи, непрерывная последовательность невербальных речевых единиц, воспринимается адресантом как расчленяемая организованная последовательность невербальных единиц речевого и языкового уровня. Она (непрерывная прерывность последовательной невербальной речи) есть отпечаток отраженного сознания в данном конкретном построении речи (речевом продукте).

Речевая канва первого уровня (ядро НВРД Абогина) представлена маркерами интонации: *спросил — спросил — спросил — крикнул — взвизнул.* Речевая канва второго уровня (центр НВРД) представлена конкретизаторами МИ и МЭС: *поднес к глазам доктора карточку молодой женщины (ПС), спросил — попятился (ПС) и уставился (КС) — спросил, краснея (вегетатив) — спросил тихо (тон) — крикнул — взвизнул.* Речевая канва третьего уровня (периферия НВРД) представлена квалитативом: *поднес к глазам доктора карточку молодой женщины, спросил — попятился и изумленно (квалитатив) уставился — спросил, краснея (вегетатив) — спросил тихо (тон) — крикнул — взвизнул.*

Речевая канва первого уровня (ядро НВРД доктора Кирилова) представлена маркерами интонации: *сказал — крикнул — продолжал — крикнул.* Речевая канва второго уровня (центр) представлена конкретизаторами МИ и МЭС: *вскочил (ПС), сверкнул глазами (КС), сказал грубо (тембр, тон) отчеканивая каждое слово (темп) — крикнул и стукнул кулаком по столу (ПС) — продолжал, тряся бородой (КС) — крикнул и стукнул кулаком по столу (ПС) — ухмыльнулся (КС).* Речевая канва третьего уровня (периферия) представлена качественными (квалитатив) и количественными (квантитатив) квантификаторами: *вдруг (временной локализатор) вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово —*

крикнул и стукнул кулаком по столу — продолжал, тряся бородой — крикнул и опять (квантитатив) *стукнул кулаком по столу — презрительно* (квалитатив) *ухмыльнулся*.

Языковые репрезентанты маркера интонации в невербальном дискурсе доктора Кирилова как речевого партнера означивают речевое реагирование коммуниканта в каждый последующий момент его речевого продукта, формирующегося под воздействием «фактора адресанта»: *сказал — крикнул — продолжал — крикнул*. Композиционные маркеры интонации вербального дискурса доктора означивают деление речевого продукта на стадию относительного реагирования и аффекта, с той только разницей, что стадия речевого реагирования значительно короче, а доктор, как речевой партнер, перехватывает инициативу адресанта, становясь в позицию активного коммуниканта (говорящей личности).

В стадии резистентности языковой репрезентант маркера интонации выражен собственно речевым глаголом говорения (объектным) «сказать». В речевой канве данный маркер повторяется один раз: *сказать* — словесно выражать мысли, сообщать. Маркер интонации нейтрален в способе выявления основного тона ключевой эмоции. Однако языковой репрезентант конкретизатора тембра «грубо» интерактивно манифестирует интонационную канву вербальной речи: *сказал* (тон), *грубо* (тембр) *отчеканивая каждое слово* (темп): *грубый* — недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный; *отчеканивая*: чеканить — тщательно делать что-н. В речевой канве первого речевого продукта доктора Кирилова четыре маркера интонации: *сказал — крикнул — продолжал — крикнул*, которые функционируют с конкретизаторами МЭС (сомативами) — *крикнул и стукнул кулаком по столу; продолжал, тряся бородой*. Единицы невербального дискурса доктора как адресанта объективно демонстрируют его враждебное отношение к адресату, граничащее с желанием осуществить угрозу, его категоричное нежелание идти на компромисс. Коммуникант инициирует речевую агрессию, а речевое реагирование Абогина в процессе коммуникации только провоцирует речевое поведение доктора, направленное на прекращение общения: *крикнул и опять стукнул кулаком по столу*.

Маркеры в данной речевой канве манифестируют резкое изменение отношения говорящего к адресанту. Речевое общение переходит в стадию эмоционального напряжения (аффекта), конкретизаторы маркеров конкретно означивают негативный характер речевого продукта. Языковые репрезентанты маркера интонации в стадии речевого напряжения выражены собственно речевыми глаголами звукового действия «крикнул» и дискурсным глаголом стадии развития ведения диалога «продолжил»: *кричать* — говорить громко (тон); *продолжить* — вести начатое дальше, не останавливаясь, не прекращая.

Таким образом, языковые репрезентанты структурных единиц невербального дискурса означивают с достаточной степенью очевидности речеповеденческий потенциал языковой личности, динамически разворачивающийся и поступательно преобразующийся под воздействием фактора «адресанта». Речевая невербальная интеракция доктора зеркально отражается на речевом поведении Абогина. Их эмоциональное состояние становится полностью идентичным в финальном диалоге.

Абогин *торопливо полез* в боковой карман, *вытащил* оттуда бумажник и, достав две бумажки, *швырнул* их на стол.

— Вот вам за ваш визит! — *сказал* он, шевеля ноздрями. — Вам заплачено!

— Не смейте вы предлагать мне деньги! — *крикнул* доктор и *смахнул* со стола на пол *бумажки*. — За оскорбление деньгами не платят! Извольте отправить меня домой!

В ожидании экипажей Абогин и доктор *молчали*...

Кульминация речевого общения завершается активными невербальными действиями, ярко манифестирующими истинное отношение коммуникантов. Итоговый невербальный дискурс насыщен сомативами — *лез, вытащил, швырнул, смахнул* и др. Данный диалог представляется возможным «свернуть» до двух сомативов — *швырнул* > *смахнул*. Эти два соматива означивают стремительность времени и объемность пространства, а также манифестируют важную информационно-смысловую нагрузку: коммуниканты расстанутся врагами.

Итак, невербальный дискурс говорящих всегда создает зримую область взаимодействия, которая является некой общей системой отсчета, относительно которой коммуниканты создают и получают информацию, уменьшая под воздействием получаемых сообщений и импульсов неопределенность в собственной когнитивной области, что, в конечном итоге, и предопределяет их дальнейшее поведение (речевое и неречевое).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — I—XV. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- [2] *Безменова Н.А.* Очерки по теории и истории риторики. — М.: Наука, 1991.
- [3] *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. — М.: КомКнига, 2007.
- [4] *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. — Таллин, 1992.
- [5] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1987.

NON-VERBAL DISCOURSE IN STRUCTURE OF SPEECH AND BEHAVIOUR POTENTIAL OF COMMUNICANT

T.L. Muzychuk

Department of Russian language
Irkutsk state university of communication lines
Chernyshevskogo str., 15, Irkutsk, Russia, 664074

The author analyzes nonverbal dialogical fragments of art prose from the point of view of realization verbal (Language behavior) (rechepovedenchesky) potential of the addressee in them developing under influence of «the factor of a speaking person (speaker)».

Key words: a discourse, a nonverbal discourse, verbal (Language behavior).